

К вопросу о восточнославянско-венгерских лексических связях старшего периода

А. ЗОЛТАН

«Изводишь
единого слова ради
тысячи тонн
словесной руды.»
(В. Маяковский)

1. В связи с этимологией венг. *óriás* 'великан' < др.-русск. **вараз**и акад. Л. Хадрович подчеркивает необходимость повторного тщательного пересмотра историко-языковых данных, относящихся к древним восточнославянским элементам венгерского словаря.¹ Не претендуя, конечно, на выполнение этой огромной задачи, ниже мы попытаемся обосновать свою гипотезу о том, что венг. *émely* 'тошнота' и его производные в конечном итоге восходят к слав. *chъmelъ 'хмель', и если эта этимология окажется надежной, то венгерское слово могло быть заимствованным скорее всего из др.-русск. **хмель** 'спиртной напиток; опьянение'.

2. Нет потребности в подробном изложении предыдущих попыток толкования происхождения данного венгерского слова, так как они подытожены в новом историко-этимологическом словаре венгерского языка.² Отметим только, что попытки эти, повторявшиеся на протяжении длительного времени, в основном шли в двух направлениях: одни исследователи видели в венг. *émely* 'тошнота' рефлекс древнего финноугорского корня со значением 'сладкий', другие считали его собственно венгерским образованием, связывая *émely*, особенно производный глагол *émelyedik* 'тошнит кого-л.' с глаголом *emelkedik* 'подниматься'. Критика обеих этих линий толкования венг. *émely* содержится в TESz (ук. м.), который — согласно, впрочем, с более ранними этимологическими словарями венгерского языка³ — считает венг. *émely* и производные гнездом неизвестного происхождения. Здесь мы ограничимся подытоживанием основных имеющихся данных по истории данного слова в венгерском языке (по TESz, ук. м.): в памятниках венгерского языка раньше всего зафиксирован глагол *émelyeg* 'тошнит кого-л., тошно кому-л.' (1521 г.), потом глаголы *émelyget* и *émelyedik* 'тж.' (1585 г.), прилагательное *émelygős* 'вызывающий тошноту' (1640 г.). Позднее всех производных по-

¹ HADROVICS L., Szavak és szólások. Nyelvtudományi Értekezések 88. Budapest 1975, 67—70.

² TESz 1: 761.

³ GOMBOSZ Z.—MELICH J., Magyar etymológiai szótár I—II. Budapest 1914—1944, 1: 1547; BÁRCZI G., Magyar szöfjejtő szótár. Budapest 1941, 63.

является в памятниках как раз существительное *émely* 'тошнота' (1720 г.), что и заставляет авторов TESz предположить, что существительное *émely* является обратным дериватом от глагольных форм типа *émelyeg*, *émelyedik*, *émelyít*. Не подвергая сомнению это предположение, в дальнейшем для простоты мы будем говорить в основном о венг. *émely*, так как хронологическое и словообразовательное соотношение слова *émely* и его производных не имеет существенного значения для предлагаемой нами этимологии: речь идет о венгерском корне *émely-*. Более существенным, на наш взгляд, является утверждение TESz, что, хотя в современном венгерском языке данное слово и его производные употребляются чаще всего для обозначения 'дурного самочувствия после еды чего-л. чрезмерно сладкого', во время появления данного слова в памятниках оно употреблялось, однако, без оттенка 'сладкого', а обозначало 'тошноту' вообще, и, следовательно, оттенок 'сладости' является вторичным (возникшим, вероятно, вследствие народноэтимологического сближения *émely* и производных с гнездом прилагательного *édes* 'сладкий'). Это обстоятельство и является самым серьезным препятствием для толкования венгерского слова как финноугорского; связывание же формы *émelyedik* с венг. *emelkedik* 'подниматься' наталкивается на непреодолимые фонетические трудности.

3. Известно, что слав. **chъmelъ* в конкретном своем значении 'растение *Humulus lupulus*; цветень, шишки этого растения' является общеславянским и встречается во всех славянских языках.⁴ Происхождение данного слова в общеславянском выяснено не окончательно; одни видят в нем индоевропейский корень,⁵ но более распространенным и более вероятным является мнение, что слово это было заимствовано из тюркских языков (откуда и венг. *kömélő* 'Humulus lupulus').⁶ Не вызывает сомнения не только общеславянское распространение **chъmelъ*, но и его праславянская древность: косвенные свидетельства о том, что славяне знали и использовали хмель, имеются уже с IV—V вв. н. э.;⁷ слово засвидетельствовано в памятниках также очень рано, оно выступает в Повести временных лет в описании событий 6493 [= 985] г.⁸

В данном случае — в связи с этимологией венг. *émely* 'тошнота' — нас интересует, однако, не конкретное значение данного слова, выступающее во всех славянских языках, а переносные значения рефлексов о.-слав. **chъmelъ* и его производных типа 'хмельной напиток' > 'спиртной напиток вообще' >

⁴ M. VASMER, Russisches etymologisches Wörterbuch I—III, Heidelberg 1953—1958, 3 : 250—251; SISE 1 : 71.

⁵ K. MOSZYŃSKI: Język Polski 32 (1952) 201.

⁶ F. SŁAWSKI: Język Polski 33 (1953) 400; ср. GOMBOSZ Z., Összegyűjtött művei I, Budapest 1938, 106—108; TESz 2 : 537.

⁷ K. MOSZYŃSKI, ук. м.

⁸ Срезн. 3 : 1377.

'опьянение' > 'дурное самочувствие после выпивки', засвидетельствованные только в восточнославянских и некоторых западнославянских языках (отсутствие данного значения у слова в южнославянских языках вполне понятно: южные славяне, переселившиеся в V—VI вв. на Балканский полуостров, рано примкнули к кругу виноградной культуры, и основным понятием для 'спиртного напитка' у них стало вино, между тем как для оставшихся на севере восточных и западных славян самым обычным, повседневным воплощением 'спиртного' продолжали являться хмельные напитки: мед, брага, пиво).

Рефлексы *chъmelъ и их производные в указанных выше переносных значениях шире всего распространены в восточнославянских языках. Ср. русск. (ссылки на фиксацию в словарях даются лишь в случае более редких форм) *хмель* 'состояние опьянения', (*быть*) *под хмелем/хмельком* 'вполпьяна'; *хмельной* (уст. *хмельный*) 1. 'пьяный', 2. 'опьяняющий', 3. *хмельные* сущ. 'алкогольный напиток'; *хмельнёк* (простореч.) 'вполпьяна'; *хмелить* 'опьянять'; *хмелеть* 'пьянеть'; *охмелять, охмелить* 'напоить, сделать пьяным'; *охмелеть* 'опьянеть'; *охмеление* 'опьянение'; *похмелье* 1. 'плохое самочувствие, недомогание, вызванное сильной выпивкой накануне', 2. (простореч.) 'питье спиртного с целью избавиться от похмелья (в 1. знач.)'; *опохмеляться, опохмелиться* 'выпить спиртного с целью избавиться от похмелья (в 1. знач.)'; *опохмелять, опохмелить* (разг.) 'давать кому-л. выпить на другой день после опьянения' (ССРЛЯ 8: 934); *опохмелка* (простореч.) 'действие по знач. глагола *опохмелиться, опохмеляться*' (ССРЛЯ 8: 934); *похмеляться, похмелиться* 'опохмеляться' (Даль² 3: 367); *захмелиться* 'berauscht werden' (REW 3: 250); укр. *хміль* 'опьянение' (УРС 6: 343); *підхмелітися* 'пить спиртного' (СУМ 6: 522); *підхмелений* '(несколько) пьяный' (СУМ 6: 522); *похмілля* 'похмелье (в обоих знач.)' (СУМ 7: 451—452); *похмільний* 1. 'находящийся в состоянии похмелья (в 1. знач.)', 2. 'относящийся к похмелью (в 2. знач.)' (СУМ 7: 452); *похмелятися, похмелітися* 'опохмеляться, опохмелиться' (СУМ 7: 451); блр. *хмель* 'хмель (в разных знач.)', *хмельны* 'опьяняющий' (БРС 996); *пахмелка, пахмелле* 'похмелье' (БРС 647); *ахмялёлы, захмялёлы* 'охмелевший', *ахмялёлённе, захмялёнённе* 'охмеление', *ахмялёць, захмялёць* 'охмелеть' (БРС 109, 317).

Переносные значения слав. *chъmelъ и производных в восточнославянских языках являются не только самыми распространенными из всех славянских языков, но и самыми древними; они возникли, по всей вероятности, еще в эпоху восточнославянского языкового единства. Ср. др.-русск. *хмель* ~ *хмѣль* 'хмельной напиток' (1296 г.), 'опьянение, хмель' (1199 г./XIV—XV вв.) (Срезн. 3: 1377); *похмелие* 'недомогание после пьянства, похмелье' (XV в.), *похмельный* 'хмельной, нетрезвый' (Срезн. 2: 1316).

Из западнославянских языков рефлексы *chъmelъ и его производные в указанных переносных значениях раньше всего засвидетельствованы в польском языке. Ср. польск. *chmiel* 1. 'Humulus lupulus' с XIV в.; 2. 'пиво и спирт-

ные напитки вообще', 'опьянение', с XVI в. (SISE 1: 71; SłWarsz 1: 286; SłXVIw 3: 259). В современном польском языке слово *chmiel* в указанном переносном значении является архаизмом, в словарях среднего типа (LeMSz 63; MSJP 75; SJPSzum 1: 267) оно даже не приводится, *chmiel* в знач. 'алкогольный напиток, главным образом пиво; опьянение' отмечается только в SJPDor (1: 878) как устаревшее; *pochmiel* 'похмелье' (с второй половины XVI в., PSDP 329; Linde² 4: 184), *pochmiele* (уст.) 'тж.' (SłWarsz 4: 300); в современном польском языке эти формы встречаются тоже редко, они не отмечены в LeMSz и MSJP, по SJPDor (6: 558) *pochmiel* обл. и разг.; *podchmiel* 'легкое опьянение' (Linde² 4: 208; по SJPDor 6: 611 уст.); *podchmielić się* '(легко) опьянеть' (SłWarsz 4: 300; по SJPDor 6: 611 уст.); *podchmielić sobie* 'тж.' (Linde² 4: 208; SłWarsz 4: 341); *podchmielić* 'тж.' (SJPDor 6: 610 с примечанием: «ныне только в выражении *podchmielić sobie* и в форме причастия *podchmielony*»); *chmielny* 'пьяный' (SłWarsz 1: 286; SJPDor 1: 879); *zachmielić* 'опьянеть, главным образом от пива' (SłWarsz 8: 36).

В словацком литературном языке *chmel'* (уст.) 'опьянение' (SSJ 1: 563) и *pochmelie* (редк.) 'похмелье' (SSJ 3: 177) появились как поздние (XIX в.) книжные заимствования из русского языка, в памятниках и диалектах словацкого языка они не засвидетельствованы.⁹

В чешском разговорном языке переносные значения слова *chmel* развились — в отличие от восточнославянских языков и от польского —, по-видимому, в тесной связи с понятием 'пива', ср. *chmel* перен. 'пиво' (PJSČ 1: 1054); *chmelovina* 'тж.' (PSJČ 1: 1504); *chmeliti* 'пить пиво' (PSJČ 1: 1054; SSJČ 1: 692); *ochmelit* 'напоить, сделать пьяным' (SSJČ 2: 364); *ochmelit se* 'опьянеть' (PSJČ 3: 996; SSJČ 2: 364); *ochmela*, *ochmelka*, *ochmelenec* 'пьяница' (PSJČ 3: 996); *nachmelit se* 'опьянеть' (SSJČ 2: 40); *nachmelenyj* 'пьяный' (SSJČ 2: 40); *prichmelit se* 'легко опьянеть' (SSJČ 2: 1099). Приведенные выше чешские формы возникли, по-видимому, в более новое время в разговорном чешском языке, переносные значения слова *chmel* в древнечешском не засвидетельствовано,¹⁰ и, таким образом, чешское слово не входит в круг возможных источников венг. *émely*.

4. Как видно по приведенным выше данным, в качестве источника венг. *émely* в принципе могут приниматься только польские и восточнославянские формы, продолжающие о.-слав. *chъmelь, у которых и у производных которых развились переносные значения типа 'алкогольный напиток' > 'опьянение' > 'плохое самочувствие, вызванное опьянением'. Однако, уже само отсутствие довольно широко распространенного и достаточно древнего употребления словацкого *chmel'* в подобном значении делает предположение о

⁹ Выводы и замечания проф. Ф. Грегора, любезно предоставленные автору.

¹⁰ Ср. J. GEBAUER, *Slovník staročeský* I—II. Praha 1903—1916, 1: 540—541.

заимствовании венгерского слова из польского весьма сомнительным. Есть и другие обстоятельства, принадлежащие к кругу проблем восточнославянско-польских языковых контактов, которые указывают на то, что венгерское слово не может быть заимствованием из польского. К венг. *émely* 'тошнота' в семантическом отношении ближе всего стоят образования типа др.-русск. **похмелиѣ**, русск. *похмелье*, укр. *похмілля*, блр. *пахмелле*, польск. *pochmiel(e)* 'плохое самочувствие, недомогание, вызванное сильной выпивкой накануне'. Как это видно из приведенных выше данных, др.-русск. **похмелиѣ** засвидетельствовано с XV в., а польск. *pochmiel(e)* только со второй половины XVI в. Это обстоятельство само по себе, конечно, не может достоверно свидетельствовать о первичности древнерусского слова по отношению к польскому: слова с такого рода — не слишком «приличным» — значением (как, впрочем, и венг. *émely*) могли существовать даже столетиями раньше их фиксации в памятниках любого из обоих языков. Заслуживает внимания, однако, факт, что, хотя *chmiel* в конкретном значении 'растение *Humulus lupulus*' отмечается в древнепольском уже с XIV в., переносные значения типа 'пиво и спиртные напитки вообще' > 'опьянение', которые могли бы послужить словообразовательной основой для образования *pochmiel(e)* 'похмелье', засвидетельствованы также лишь с XVI в. Если же сравнить словообразовательную структуру др.-русск. **похмелиѣ**, русск. *похмелье*, укр. *похмілля*, блр. *пахмелле* с одной стороны, а польск. *pochmiel(e)* с другой, — нетрудно убедиться в том, что восточнославянские формы являются хотя и не очень частыми, но вполне регулярными отыменными префиксально-суффиксальными образованиями, в которых префикс *по-* выступает в своем временном значении 'после' и которые обозначают 'время, состояние после чего-л.', и, таким образом, др.-русск. **похмелиѣ** — это буквально 'состояние после опьянения', что совершенно мотивировано засвидетельствованным также в древнерусском значением слова **хмель** — 'опьянение'. Ср. русск. диал. *повеселье* 'догулки, похмелье, гульба после праздника' (Даль² 3: 143), *повечерие* 'вечерняя церковная служба, ко сну' (Даль² 3: 143); укр. диал. *пообі́ддя* 'пора дня после обеда' (СУМ 7: 170). В польском языке нам удалось обнаружить всего лишь одно подобное образование: *polecie* 1. 'позднее лето' (SJPDoг 6: 872), но это скорее всего калька с нем. *Nachsommer*, так как подобные образования в восточнославянских языках (но исконно, по-видимому, и в польском, ср. *polecie* 2. 'богатый урожай', SJPDoг, ук. м.) — несмотря на то, что *лето* — это понятие времени, — основываются на пространственном значении префикса *по-* 'вдоль, близ чего-л.', ср. русск. диал. *полѣтье* 'лето, за все продолженье свое, все летнее время' (Даль² 3: 268), укр. *поліття* 'благоприятные условия, благоприятная погода; урожайное лето; урожай' (СУМ 7: 83), и исторически примыкают к отыменным префиксально-суффиксальным образованиям типа русск. *поберѣжье*, укр. *поберѣжжя*, русск. *Повѣлжье*, польск. *Powisłe* и т. п., в которых префикс *по-* выступает в своем пространственном значении.

Итак, в то время как др.-русск. **похмелиѣ** и его современные восточнославянские соответствия можно считать регулярными дериватами от **хмель** 'опьянение', польск. *pochmiel(e)* следует трактовать как изолированное и вдобавок редкое образование (PSDP, Linde² и SłWarsz из XVI в. приводят одну и ту же цитату из произведения М. Стрыйковского [Maciej Strykowski] (ок. 1547—1582 гг.). Если принять во внимание относительно позднее появление переносных значений у слова *chmiel* в польском, а также необычность и редкость деривата *pochmiel(e)*, то не исключено, что переносные значения у польск. *chmiel* развились не самостоятельно, а под воздействием восточнославянских языков, и польск. *pochmiel(e)* является не самостоятельным польским дериватом, а заимствованием (или калькой¹¹) из восточнославянского. В пользу этого предположения говорит и тот факт, что С. Фалимиж [Stefan Falimirz], автор травника, изданного в 1534 г., по которому дается хронологически первая ссылка на переносное значение польск. *chmiel* 'опьянение' в SłXVIw, родился, по всей вероятности, на Украине,¹² известно также, что упомянутый уже в связи с первой фиксацией слова *pochmiel(e)* М. Стрыйковский владел восточнославянскими языками.¹³ О чужом характере этого последнего слова в польском говорит также факт, что более ранняя форма *pochmiele* (род. п.: *pochmiela*) — по-видимому, вследствие затемнения необычной для польского языка словообразовательной структуры — в позднейшем была заменена формой *pochmiel* (род. п.: *pochmielu*), будто бы слово было не префиксально-суффиксальным, а просто префиксальным дериватом от существительного *chmiel*.¹⁴ Если учесть, что вторая половина XVI в. была периодом интенсивного воздействия украинского языка на польский язык,¹⁵ и слова *chmiel* 'опьянение' и *pochmiel(e)* 'похмелье' примыкают к стилистическому пласту слов, широко представленному среди украинских заимствований польского языка данной эпохи (ср. польск. *braha* < укр. *брѣга*, *hulac* < *гуляти*, *hulaka* < *гуляка*, *hulanka* < *гулянка* и т. п.),¹⁶ то предположение о том, что эти слова в польском восточнославянского (скорее всего украинского) проис-

¹¹ О трудностях разграничения заимствований и калек в межславянских языковых контактах см. С. АГРЕОТЭСЕЛ, Типы калек в межславянских языковых контактах. *Timisoara* 1973.

¹² Ср. SłXVIw 1 : CXVIII.

¹³ Ср. SłXVIw 1 : CXXX; MARIA KARPLUK, O języku Macieja Strykowskiego historyka i poety z drugiej połowy XVI wieku I. Wrocław—Warszawa—Kraków—Gdańsk 1977.

¹⁴ Ср. характерный подход SłWarsz (4 : 300) к этому слову: со знаком † [устаревшее слово] приводится *pochmiele*, -a с этимологической справкой „Po + *Chmiele od Chmiel” и в отдельной словарной статье приводится *pochmiel*, -u с этимологической справкой „Po + Chmiel” (там же).

¹⁵ Об этом в последнее время см. S. КОСМАН, Wschodniosłowiańsko-polskie stosunki leksykalne od XVI do XIX w.: Z polskich studiów slawistycznych, Seria 5, Językoznawstwo, Warszawa 1978, 255—261.

¹⁶ Z. KLEMENSIEWICZ, Historia języka polskiego II, Warszawa 1965, 154—156.

хождения, можно считать достаточно вероятным. Хотя и не в столь определенной форме, но это предположение все-таки выражается в этимологической справке к словарной статье *pochmiel* в SJP Dor (6: 558): «ср. русск. *похмелье*».

5. Довольно подробным рассмотрением польских данных нам хотелось лишь обратить внимание на то, что интересующие нас переносные значения слова *chmiel* в польском языке до XVI в. не только не засвидетельствованы, но даже и невероятно, что они могли появиться там существенно раньше первой фиксации их в памятниках. Польск. *chmiel*, таким образом, наряду с соответствующими словами в южнославянских, чешском и словацком языках, с большой вероятностью исключается из возможных источников венг. *émely*. Таким образом, слово могло попасть в венгерский язык только из восточнославянских языков, в которых рефлекс о.-слав. **chъmelъ* в указанных переносных значениях широко распространены и, по свидетельству памятников письменности, очень стары.

Возведение значения венг. *émely* 'тошнота' к др.-русск. *хмель* 'опьянение', *похмелие* 'похмелье' не представляет собой особых трудностей; если исходить из др.-русск. *хмель* 'опьянение', то 'тошнота', как правило, является его прямым следствием, если же исходить из *похмелие*, то состояние желудка, выражаемое венгерским словом, полностью покрывается состоянием, выражаемым древнерусским словом, с тем, что в венгерском слово, утратив связь с 'опьянением', получило более универсальное значение. К развитию значения этого слова в венгерском интересную параллель дает румынский язык: рум. глагол *hămei* (*hemei*), *hămesi*, заимствованный также из слав. **chъmelъ* и выступающий в современном румынском языке обычно в значении 'голодать', был сокращен из выражения *hămesi de foame* 'ослаблять, падать в обморок от голода', исконным значением глагола было 'вызывать головокружение, дурманить';¹⁷ т.е. слав. **chъmelъ* дало и в румынском слово, связанное по значению с действием алкогольных напитков на организм, только значение румынского глагола основывается на действии этих напитков на голову ('головокружение'), между тем как в основу значения венг. *émely* и производных легло действие спиртных напитков на желудок ('тошнота'). В связи с развитием значения румынского глагола необходимо предположить, что рум. *hămei* восходит к славянской форме, достигшей степени развития значения по крайней мере 'спиртные напитки вообще' или, более вероятно, 'опьянение', и, следовательно, оно было заимствовано также из восточнославянского. В румынский и молдавский языки слав. **chъmelъ* вошло также в конкретном значении: рум. *hamei* (*hămei*, *hemei*),¹⁸ молд. *хемѣй*¹⁹ 'Humulus lupu-

17 А. CIORANESCU, Diccionario etimológico rumano, Tenerife—Madrid 1958—1961, 392.

18 CIORANESCU, Ук. м.

19 Русско-молдавский словарь. Москва 1954, 792.

lus'; эти слова, однако, заимствованы, вероятнее всего, из южнославянских языков.²⁰

Звуковой облик венг. *émely* указывает на то, что слово могло попасть в венгерский язык после падения редуцированных в древнерусском, т. е. не раньше XII в., так как в случае заимствования др.-русск. **хъмель** (*chūmelŭ*) в венгерском ожидалось бы развитие *χumelyi > **humely(i)*, во всяком случае слав. *ch* сохранилось бы в виде венг. *h*, а между *h* и *m* был бы гласный (ср. звуковой состав заимствованных еще до падения редуцированных рум. *hamei* ~ *hămei* ~ *hemei*, среднегреч. *χουμέλι* 'Humulus lupulus'). Значит, слово могло быть заимствовано венгерским языком не раньше XII в., когда оно звучало в древнерусском уже как *chmel*. Звуковой состав венг. *émely* — за исключением начала слова — точно соответствует др.-русск. **хмель** (*chmel'*). Начальное сочетание согласных *chm-* в венгерском должно было измениться, как любое сочетание согласных в начале слова. Начальные сочетания согласных в венгерском, как известно, очень часто устраняются путем присоединения гласного к началу слова, ср. напр., слав. *stolb* > венг. *asztal*, *strěcha* > *eszterha*, *strugarb > *esztergár*; нем. *Strang* > венг. *istráng*, лат. *schola* > венг. *iskola* и т. д. Точную аналогию к адаптации слав. *chm-* в венгерском найти трудно, так как начальное *chm-* и в славянском выступает очень редко, но можно предположить, что и в этом случае приспособление др.-русск. *chmel'* к венгерской фонетической системе осуществлялось путем присоединения к началу слова гласных *i-* или *ë-*, и вошедшая в венгерский язык в XII—XIII вв. древнерусская форма *chmel'* развивалась следующим путем: *iχmely* ~ *ëχmely*, *iχmely* ~ *ëχmely* > *iχmely* ~ *ëχmely* > *imely* ~ *emely*,²¹ из двух фонетических вариантов в литературном венгерском языке укрепилось *émely*, но в диалектах сохраняется и форма с начальным *i-*.

Как на это указывалось выше, позднее появление в памятниках существительного *émely* по сравнению с глагольными формами *émelyeg*, *émelyít*,

²⁰ FR. MIKLOSICH, Die slavischen Elemente im Rumunischen: Denkschriften der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften, Philosophisch-historische Classe, Bd. 12, Wien 1862, 51; CIORANESCU, ук. м. Ср., впрочем, и финское *humala* 1. 'хмель, Humulus lupulus' 2. 'хмель, опьянение'; *ola humalassa* 'быть пьяным'; *humalainen*, *humalapäinen* 'пьяный'; *humalluttaa* 'опьянять'; *humaltua* 'опьянеть' и т. п.; соответствующие формы имеются также в других прибалтийско-финских языках (см. Y. H. TOIVONEN, Suomen kielen etymologinen sanakirja I, Helsinki 1955, 86). Если и согласиться с автором указанного этимологического словаря финского языка в том, что финск. *humala* 'Humulus lupulus' заимствовано из северногерманских языков, то следует все-таки принять, что финск. *humala* 'опьянение' является семантической калькой с восточнославянского, так как соответствующие слова в шведском, норвежском и других северногерманских языках обозначают только 'растение хмель'. Ареальный аспект, таким образом, также подтверждает нашу этимологию: переносные значения слов, восходящих к слав. *chmēlb, встречаются — то в форме заимствований или калек, непосредственно отражающих переносное значение слова в восточнославянском (как в польском и финском), то в качестве заимствований, подвергшихся сематическим изменениям (как в румынском и венгерском) — в языках, непосредственно соседствующих с восточнославянской языковой территорией.

²¹ Ср. BÁRCZI G., Magyar hangtörténet. Budapest 1958, 52, 69, 85—86; BENKŐ L.: Magyar Nyelv 74 (1978) 14.

émeledik не подвергает сомнению предлагаемую нами этимологию: венгерские глаголы могут быть заимствованиями, основывающимися на глагольных производных др.-русск. **хмель** 'опьянение' — (**о-, по-**) **хмельти**, (**о-, по-, опо-**) **хмелити**, (**о-, по-, опо-**) **хмелити сѧ**, которые, правда, не отмечены в «Материалах» Срезневского, но наличие их уже в древнерусскую эпоху на основе их широкого распространения в современных восточнославянских языках можно предположить с большой вероятностью.

У нас пока нет конкретных данных об историко-культурных обстоятельствах проникновения этого, по нашему убеждению, древнерусизма в венгерский язык, но известно, что условия для заимствования в предполагаемую нами эпоху (XII—XIII вв.) существовали. Известны династические связи венгерских королей рода Арпадов с древнерусскими княжескими родами; эти связи, можно предполагать, сопровождалась совместными пирами венгерской и русской знати, вследствие которых могли заимствоваться и такого рода слова. Заимствование могло произойти, конечно, и более «демократическим» путем: через воинов, участвовавших в походах венгерских королей в Галицкое княжество.

Список сокращений

БРС	Белорусско-русский словарь. Под ред. К. К. Крапивы. Москва 1962.
Даль ²	В. Даль, Толковый словарь живого великорусского языка I—IV. (Санкт-Петербург—Москва 1880—1882) Москва 1955.
Срезн.	И. И. Срезневский, Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам I—III. (Санкт-Петербург 1893—1903) Москва 1958.
ССРЛЯ	Словарь современного русского литературного языка I—XVII. Москва 1950—1965.
СУМ	Словник української мови. Голова ред. кол. І. К. Білодід. Київ (1970) —.
УРС	Українсько-російський словник I—VI. Київ 1953—1963.
LeMSz	Lengyel—magyar szótár. Budapest 1958.
Linde ²	M. Š. B. LINDE, Słownik języka polskiego I—VI. (Lwów 1854—1860) Warszawa 1951.
MSJP	Mały słownik języka polskiego. Pod red. S. SKORUPIKI, H. AUDERSKIEJ, Z. ŁEMPICKIEJ. Warszawa 1969.
PSDP	S. RECZEK, Podręczny słownik dawnej polszczyzny. Wrocław—Warszawa—Kraków 1968.
PSJČ	Příruční slovník jazyka českého I—VIII. Praha 1935—1957.
SJPDor	Słownik języka polskiego I—XI. Red. naczelny W. DOROSZEWSKI. Warszawa 1958—1969.
SJPSzym	Słownik języka polskiego. Red. naukowy M. SZYMCZAK. I—. Warszawa 1978—.
SISE	F. SŁAWSKI, Słownik etymologiczny języka polskiego. I—. Kraków 1952—.
SIXVIw	Słownik polszczyzny XVI wieku. I—. Wrocław—Warszawa—Kraków 1966—.
SIWarsz	Słownik języka polskiego I—VIII. Ułożony pod red. J. KARŁOWICZA, A. KRYŃSKIEGO i W. NIEDŹWIEDZKIEGO. (Warszawa 1900—1927) Poznań 1952—1953.
SSJ	Slovník slovenského jazyka I—V. Bratislava 1959—1965.
SSJČ	Slovník spisovného jazyka českého I—. Praha 1960—.
TESZ	A magyar nyelv történeti-etimológiai szótára. Főszerkesztő BENKŐ L. I—III. Budapest 1967—1976.